

КОНЦЕПТ «БӘХИЛЛЕК» В ОРИГИНАЛЬНОМ ТЕКСТЕ И ПЕРЕВОДЕ

Э. Ф. Нагуманова

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия

Summary. The paper analyzes semantic, functional and associative peculiarities of nationally specific concept *бәхиллек* (*bähillek*) in the structure of the literary texts and investigates the possibility of representation of this concept by means of the Russian language in the translation.

Key words: translation, concept, prose, A.Eniki.

В начале XXI века делается попытка ввести понятие «концепт» в литературоведение. Среди современных работ в области литературоведческого осмысления концепта стоит выделить исследования В. Г. Зусмана и Н. В. Володиной. Н. В. Володина в монографии «Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения» предлагает следующее определение концепта: «концепт – это смысловая структура, воплощенная в устойчивых образах, повторяющихся в границах определенного литературного ряда (в произведении, творчестве писателя, литературном направлении, периоде, национальной литературе), обладающая культурно значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой» [2: с. 19]. Исследовательница исходит из того, что в самом процессе формирования того или иного литературоведческого понятия участвуют культурный опыт, национальная традиция и читательское воображение. В любом случае природа концепта обусловлена типом культурного сознания, своеобразием жанра, композиции произведения, особенностями авторского стиля. Литературный концепт диалогичен, он тесным образом связан с литературным процессом,

доминирующим в нем оказывается инвариантный смысл, получающий, однако, в каждом конкретном случае индивидуально-творческую реализацию. Рассмотрение литературы сквозь призму основных национальных концептов предполагает сопоставление творчества разных писателей, соединение синхронического и диахронического аспектов изучения литературы.

Круг основных концептов, определяющих ту или иную национальную культуру, так или иначе очерчен. Подобных концептов, раскрывающих специфику национального видения мира представителями разных народностей, множество. В данной статье предметом анализа становится концепт *бахиллек* в оригинальном тексте и переводах. Материалом исследования является рассказ А. Еники «Эйтелмэгэн васыять» («Невысказанное завещание») и два перевода этого произведения на русский язык: Х. Хусаиновой и Р. Кутуя.

Согласно «Татарско-русскому словарю» под редакцией Ф. А. Ганиева, слово *бахиллек* может быть переведено как 'прощение, благословение, согласие' [13, с. 69].

Как видим, в словарных статьях при передаче значения слова *бахиллек* используются лексемы, которые существенно отличаются по своему значению.

В словарях русского языка находим следующие определения:

Прощение – Помилование, извинение какого-л. поступка [1, с. 1039].

Благословение – это **1.** Действие по глаг. благословить – благословлять. **2.** Религиозно-бытовой свадебный обряд у христиан, состоящий в крестообразном осенении иконой и хлебом жениха и невесты их родителями перед венчанием. **3.** Благодарность, хвала (книжн. устар.). *Б. судьбе.* [14].

Согласие – **1.** Утвердительный ответ на что-либо, позволение, разрешение. **2.** Единомыслие, единомыслие, общность точек зрения; взаимная договоренность. **3.** Мирные, дружественные отношения. **4.** Одно

из ответвлений старообрядчества, придерживающихся единых религиозных законов и обычаев [1, с. 1227].

Лексемы *согласие* и *благословение* в русской языковой картине мира соотносятся с религиозным аспектом, в какой-то степени несут в себе черты христианского мировоззрения. Татарский концепт *бахиллек* связан с основами мусульманской культуры.

Содержание концепта нельзя сводить только к словарным значениям. В литературоведении концепт понимается, как «глубинный смысл, изначально максимально и абсолютно свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста» [10, с. 127].

Постараемся выделить те «интенции автора», которые были реализованы в рассказе «Эйтелмэгэн васыять» («Невысказанное завещание») А. Еники и определить, каким образом они воспроизведены в переводных произведениях. В татарском литературоведении есть множество исследований, посвященных творчеству татарского прозаика, в частности, стоит выделить работы Д. Загидуллиной, А. Карамовой, Р. Сверигина, Ф. Хатипова, Г. Гайнуллиной и других, в которых рассматриваются разные аспекты поэтики А. Еники. Д. Загидуллина отмечает, что созданный А. Еники образ Акэби является архетипическим в татарской литературе [9, с. 155], Г. Гайнуллина пишет, что «поэтика А.Еники формирует спектр инспиритивных прочтений» [3, с. 180].

В рассказе А. Еники «Эйтелмэгэн васыять» главная героиня – Акэби – вспоминает свое прошлое, думает о настоящем и будущем, ей важно быть понятой прежде всего детьми. Во многих фрагментах произведения она мысленно упрекает их за непонимание, черствость, неумение хранить традиции прошлого, однако каждый раз останавливает себя, понимая, что главное в жизни – прощение. О том, что без прощения невозможно представить существование людей, говорят, прежде всего, представители старшего поколения (Акэби, старик Миннибай). Именно для раскрытия их

размышлений о жизни, о человеческих отношениях автор обращается к концепту *бэхиллек*.

Рассмотрим фрагмент рассказа А. Еники «Эйтелмэгэн васыять»:

Хуш, яшьтәш, бәхил бул, ахирәттә күрешергә насыһ итсен! — диде, бик тыныч, әмма чын күңелдән бик ихлас итеп [5].

- *Прощай, сверстница, увидимся на том свете!*— *очень спокойно, но от души* сказал ей *опирающийся на палку старик*. (Перевод Х. Хусаиновой) [6, с. 151].

- *Прощайте, ровесницы, простите, если что не так было, да будет нам суждено встретиться в раю! На все воля аллаха!* (Перевод Р. Кутуя) [7, с. 445].

Как мы видим, А. Еники, вкладывая в уста Акэби слова *бәхил бул*, в очередной раз подчеркивает набожность героини, ее чистоту, способность к всепрощению, смирение и веру в загробную жизнь. Переводчики трансформируют фразу Еники, в переводе Х. Хусаиновой даже меняется субъект речи, высказывание приписывается не главной героине, а старику Миннибаю. И в первом и во втором переводе теряется религиозный подтекст, сопровождающий исходный концепт.

В русских переводах «чаще всего актуализируется значение, связанное с понятием «прощание», что учитывает главным образом ситуативно-прагматические факторы и приводит к сужению смыслового поля исходного концепта» [4, с. 54] В приведенном фрагменте действительно значим аспект прощания, Акэби, старик Миннибай и другие односельчане понимают, что расставание неминуемо. Поэтому переводчик Хусаинова не акцентирует внимание на мотиве прощания. Р. Кутуй более близок к тексту Еники, он выделяет оба аспекта в своем переводе, это происходит и за счет добавления предложения *На все воля аллаха!*, и за счет дословного перевода фразы *ахирәттә күрешергә насыһ итсен* (да будет нам суждено встретиться в раю (Р. Кутуй)).

А. Еники вкладывает в рассказ глубокий смысл (стоит вспомнить финальные строки произведения, где Миннибай просит поддерживать огонь в доме Акэби, потому что она, по его мнению, должна вернуться). Он верит в бессмертие души (в исламе бессмертие души понимается как «возвращение» [8, с. 180-198]), в то же время А. Еники связывает эти слова с идеей возрождения нации. Поэтому в произведении актуализируется и календарный миф о цикличности природных явлений, в частности, о временной смерти и последующем воскресении (См. [11, с. 218-222]). Трансформация архетипа матери происходит у татарского прозаика в соответствии с идеей сохранения нации, ее единства.

В рассказе А. Еники концепт *бэхиллек* тесно связано с другим понятием, значимым в языковой картине мира татарского народа, а именно с концептом *ризалык* (согласие). Обратимся к фрагменту, в котором Акэби мысленно обращается к детям и укоряет себя за то, что, возможно, она неправа в своих оценках.

Жәнлек үзенең ярасын ялап төзәткәндәй, ул да жәрәхәтле йөрәген сабыр акылы белән тизрәк тынычландырырга, юатырга ашыга: ярамый болай, язык булыр, ди, балаларымны бэхилләп, ризалыкларын алып китәргә тиешмен, ди [5].

Как зверь зализывает свои раны, так она пыталась трезвым разумом успокоить и уговорить свое сердце: так нельзя, грешно, я должна по-хорошему проститься с моими детьми. (Перевод Х. Хусаиновой) [6, с. 163].

Акэби торопилась охладить растерзанную душу трезвым рассудком: так нельзя, нехорошо, ты возьмешь грех на душу, внушала она себе, ты должна уйти из жизни с просветленной душой, чтоб ни у тебя, ни у детей твоих не осталось горьких обид и тягостных прегрешений друг перед другом. (Перевод Р. Кутуя) [7, с. 462].

В данном примере *бэхилләп* в устах Акэби соотносится не со словом *простить*, а *благословить*, как истинная мусульманка, воспитанная в

смирении, любви к Аллаху и ко всем людям (не зря имя главной героини переводится как белая (чистая) бабушка), она понимает, какое важное значение в жизни детей имеет благословение матери. Она не просто благословляет самых близких людей, но и хочет получить их прощение. Ей важно не сочувствие родных, она просит Аллаха о том, чтобы ее дети не потеряли связь с народом, традициями старины, помнили родную деревню, односельчан, своего отца, которому они были столь обязаны в жизни. Она уходит, благословляя сына и дочерей, хочет, чтобы они ощутили радость, доброту, сочувствие со стороны собственных детей («*шул балаларыгызның игелеген күрергә насып итсен*»).

В приведенном контексте нарочито сухо звучит выражение, использованное Х. Хусаиновой (*я должна по-хорошему проститься с моими детьми*), переводчик теряет глубоко интимную интонацию, присущую оригиналу, в этих словах не передано чувство всепрощающей любви, живущее в сердце героини. В очередной раз переводчик акцентирует внимание на мотиве прощания. Хусаинова не воспроизводит самую важную черту характера главной героини: смирение (сабырлык), скромность. Эту особенность уловил Р. Кутуй, он не переводит дословно думы Акэби, прибегает к заменам, однако при этом передает реципиенту интонацию оригинала, тот глубокий смысл, который вкладывал сам писатель в слова *балаларымны бәхилләп, ризалыкларын алып китәргә тиешмен* (дословный перевод: я должна уйти благословив детей, взяв их согласие).

Многие читатели могли упрекнуть Р. Кутуя за столь вольное обращение с текстом Еники, однако, с нашей точки зрения, он уловил главное в рассказе – основную интонацию и смог ее сохранить в переводе. В отличие от Хусаиновой, он включает в перевод многочисленные добавления, расширяет содержание оригинала, но при этом передает главное – «дух оригинала». Его переводами сначала восхищался и сам Еники, однако в конце жизни он отдал предпочтение произведениям

другого переводчика – А. Бадюгиной. С нашей точки зрения, в какой-то степени именно проблема невозможности адекватной передачи особенностей поэтики прозы А. Еники стала одной из причин создания Р. Кутуем, по словам К. Миннибаева, «вариаций, произведений Р. Кутуя, с большим мастерством созданных на материале А. Еники» [12, с. 79]. Рустем Кутуй работал с подстрочником, и в его переводах превалирует субъективное начало. В этом случае перевод для автора – еще один путь выразить себя, используя материал современника, его тексты эстетически самоценны.

В рассказе мы находим также прямые эквиваленты слова *прощение* – *гафу иту, кичеру*. Они проскальзывают в речи одного из персонажей, тесно связанного с миром детей Акэби, но понимающего свою личную ответственность перед представительницей старшего поколения. Не случайно этим героем является поэт, в его уста вкладывает Еники пламенную речь о том, что необходимо сохранить духовное богатство нации, которое веками передавалось от одного поколения к другому. Он просит прощение у Акэби за свое поколение, за тех, кто потерял самое главное в жизни – память.

Тик бераздан тынычлангач кына, гафу үтенгәндәй әйтеп куя:

- Син мине тилегә санама инде, яме!.. Нишлим, мин шагыйрь кеше, халык жырын, бөек Тукай әйтмешли, рәсүлнең тырнагыдай йөрәгемдә саклап йөртәм [5].

Немного успокоившись, он говорит, будто прощенья просит:

— Не считай меня юродивым, ладно?! Я же поэт, народную песню, как говорил Тукай, словно ноготок пророка, храню в своем сердце. (Перевод Х. Хусаиновой) [6, с. 159].

Потом, успокоившись, чуть сконфуженный, со вздохом облегчения оправдывается:

- Ты уж не смейся надо мной, мать... Горячо у меня тут... - он касается дрожащей рукой груди. – Я ведь поэт... народную песню, как

писал наш великий Тукай, храню в сердце, что ногти пророка. (Перевод Р. Кутуя) [7, с. 457].

В данном фрагменте переводчики полностью сохраняют смысл, присущий оригиналу, они прибегают к отдельным трансформационным приемам при передаче стиля Еники, но смысл исходной фразы не меняется. Это не происходит и в том случае, когда Р. Кутуй практически полностью изменяет словарные формы оригинала, т.к. глубинный смысл, заключенный на страницах рассказа татарского прозаика, легко прочитывается. В тексте Кутуя мы не находим и дословного перевода выражения *гафу үтенгәндәй* (будто просит прощения), он использует слово *оправдывается* (объясняет свою невиновность), но это не приводит к существенным потерям.

Таким образом, переводчики, как правило, при словарном соответствии понятий без труда воссоздают глубинный смысл, заложенный в тексте оригинала, однако при появлении в тексте национально-специфического концепта, связанного с особенностями татарского мировидения, проявляются определенные трудности. Х. Хусаинова и Р. Кутуй безэквивалентный концепт *бахиллек* при переводе подвергают трансформации. Для компенсации потерь Р. Кутуй прибегает к заменам и добавлениям, благодаря которым исходный смысл сохраняется. В переводах Х. Хусаиной содержание национально-специфического концепта значительно сужается за счет воспроизведения лишь одного аспекта этого понятия.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. – М.: Флинта, 2010. – 256 с.

3. Гайнуллина Г.Р. Дискурсивный анализ рассказа А.Еники «Туган туфрак» («Родная земля») // Филология и культура. –2013. – 3 (33). – С.177-180.
4. Галиева А.М., Нагуманова Э.Ф. Комплексный анализ переводов татарской прозы на русский язык: методология и принципы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. №4 (34): В 3-х частях. – Ч.1. – С. 52-55.
5. Еники Ә. Әйтелмәгән васыять. // <http://kitap.net.ru/eniki/5.php> (дата обращения: 25.04.14).
6. Еникеев А. Н. Глядя на горы. Повесть и рассказы. Пер. с тат. – М.: Современник, 1974. – 380 с.
7. Еникеев А. Невысказанное завещание. Повести и рассказы. – Перевод Р. Кутуя, С. Хозиной. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1990. – 480 с.
8. Ефремова Н.В. Проблема бессмертия в философии классического ислама // Универсалии восточных культур. – М.: Издат. фирма «Восточная литература», 2001. – С. 180-198.
9. Загидуллина Д. Яңа дулкында. // Казан утлары. – 2003. – № 1.
10. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
11. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М., 2000. – 407 с.
12. Миннибаев К.С. Перевод – это искусство: Золотой век. – Казань, 2004. – 196 с.
13. Татарско-русский словарь / Под ред. Ф.А. Ганиева. – Казань: Татарское кн. изд-во, 2002. – 488 с.
14. Толковый словарь Ушакова // <http://alcala.ru/> (дата обращения: 25.04.14).